

СТРАТЕГИЯ БЕСКОНФЛИКТНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА САМАРА

В статье анализируется проблема преодоления консервативного подхода к реконструкции городской среды, в том числе – исторической, представляющей безусловный культурный и экономический потенциал. Сложившаяся практика реконструкции в Самаре и других городах характеризуется безуспешными попытками придать историческому городу качество, соответствующее современным представлениям об активно функционирующей постиндустриальной среде с ее культурными притязаниями, многофункциональным насыщением уличного пространства и общим пафосом современных общественных коммуникаций. В Самаре подобные подходы привели к почти повсеместному натиску девелоперских проектов, демонстрирующих приоритет решений, основанных на точечной высотной застройке, характерной для спальных районов. В результате не только уничтожается ценное историческое наследие, но и заменяется генотип среды, обладающей существенным потенциалом саморазвития. Альтернативные проекты, разрабатываемые группой самарских архитекторов, основываются на концепции «бесконфликтной реконструкции», принципиальным свойством которой является диалог («триалог») между заинтересованными субъектами градостроительных преобразований, то есть, между жителями кварталов, властью и инвесторами. «Бесконфликтность» в таком случае подразумевает поиск компромисса между различными проектами, огромное множество которых порождает сама территория. Мелкий, дисперсный характер «локальных инициатив» соответствует масштабу исторической среды, но также крайне важным является активизация внутренних ресурсов локальностей. Условием этой активизации является приватизация жителями домов и дворовых территорий, облегчение условий для создания мелкого бизнеса и сотрудничество с экспертным сообществом: юристами, архитекторами, агентами по недвижимости, представителями муниципалитетов, учеными. На примере нескольких проектов, получивших высокую оценку на международных конкурсах в Москве и Санкт-Петербурге, объясняется принципиальная структура и содержание новой стратегии, а также обозначается роль «Института города» – площадки для горизонтальных коммуникаций между жителями, профессионалами и властью – как запускающего механизма стратегии «бесконфликтной реконструкции» городской среды.

Ключевые слова: бесконфликтная реконструкция, саморазвитие, проектирование «снизу вверх», диалог, естественная форма, культурное наследие, парцелляция, горожане-собственники территории, запускающий механизм стратегии, институт города.

На протяжении последних пяти лет в Самаре на кафедре «Инновационное проектирование» проводились экспериментальные работы по исследованию и проектированию в области задач, трактуемых как реконструкция или регенерация исторической среды. При этом тот курс, который был принят группой архитекторов и студентов, можно считать действительно инновационным, так как он рассчитан на альтернативное по сравнению с общепринятой практикой проектное взаимодействие со средой. Нельзя, правда, сказать, что подобные попытки альтернативного проектирования не имеют аналогов или прецедентов в прошлом или в настоящем. Сегодня появилось достаточное количество информации о разного рода проектных и социо-культурных инициативах, общий дискурс которых можно определить терминами «бесконфликтная реконструкция». Хотя это звучит, – в теоретическом смысле, – несколько парадоксально. Суть ведь в том, что именно методологическое принятие конфликта как

культурной нормы определяет «бесконфликтную реконструкцию» как новый проектный метод. В статье «основные тенденции мастер-планирования» Муратов А. и Толкачева К. отмечают, что «... в связи с развитием новых форм коммуникации и с растущей необходимостью разделения расходов по поддержанию жизнедеятельности города между обществом и властью жителей все чаще привлекают к участию в работе над стратегиями развития. К тому же постоянный продуктивный диалог между населением и администрацией укрепляет и легитимность самих документов, и политических институтов» [1, 306].

Традиционная ситуация в наших городах, в первую очередь в тех, где еще сохранились реликты исторической застройки, заключается в том, что эта реликтовая застройка приходит в упадок и исчезает, несмотря на политические заявления и периодические вливания из бюджета. Собственно с озабоченности по поводу сохранения и реконструкции (развития)

исторической застройки как ценного культурного наследия и начинались альтернативные изыскания нашей группы. Процесс этот был активизирован как зеркальная реакция на намерения власти довершить разрушение старого города с помощью прогрессивных, с их точки зрения, проектных и девелоперских инициатив. Подобные инициативы и «проекты» свидетельствуют о разочаровании инвесторов и власти в попытках примирить противоречивые обстоятельства, возникающие в ситуации, когда на протяжении многих лет в историческую застройку односторонним образом пытались «добавить жизни» через бюджетные ассигнования и не очень решительные попытки инвесторов извлечь прибыль из проектов, уровень сложности которых, на самом деле, несколько возвышался над их представлениями о «компетентном» архитектурно-градостроительном соучастии специалистов и бизнеса. Теперь этому соучастию, рассчитанному на уступчивость стражей культурного наследия и «архитектурное понимание» профессионалов пришел конец; большинство проектов обещавших стать «сложными», то есть, напоминающими «европейскую реконструкцию» отодвинуты и забыты, а вся наиболее ценная территория исторического центра, равно как и другие выгодные фрагменты Самары, отданы на откуп сторонникам «решительных мер». Эти меры заключаются в отказе от приватизации земли гражданами Самары, передаче права застройки крупным инвесторам и переходе к точечной застройке исторического центра многоэтажными жилыми домами без тщательно обдуманных последствий для будущего. Таков общий фон, на котором сложилась инициатива по альтернативному проектированию.

Большинство из подобных проектов фактически воспроизводят на исторической территории среду микрорайонного типа, но при этом за счет небольших косметических средств новой этой высотной застройке присваивается статус элитной. Отметим, что подобное действие является фикцией. Во-первых, даже по микрорайонным нормативам точечная высотная застройка не соответствует прототипу, так как лишена зеленых пространств, общественного обслуживания и разумно спланированной транспортной инфраструктуры, – для всего для этого просто

нет места и средств. Во-вторых, настоящая элитная застройка давно уже в развитых в градостроительном смысле сообществах ассоциируется с комфортной малоэтажной застройкой, компактными кондоминиумами, многофункциональными общественными пространствами и развитым общественным транспортом.

Но дело даже не в подмене смыслов, а в абсолютно нелогичном и не прагматичном использовании потенциала уже существующей среды живого города. В самом деле, практика девелоперских инициатив исходит из априорной модели, как бы не подразумевающей, что «город уже существует», и что внедрение новой застройки, по сути, есть насилие над живой средой. Но это насилие имеет форму устоявшегося рецидива: никто не сопротивляется, потому что общество привыкло считать, что территория развивается только благодаря «инициативам сверху» («со стороны»). Жители кварталов в большинстве своем или находятся в ожидании «обещанных» перемен, или предпринимают незначительные разрозненные эксперименты по благоустройству своих жилищ, сопровождаемому дискретными попытками оформить в собственность дом и прилегающее дворовое пространство. Полноценного понимания принципов саморазвития у населения нет. Люди не всегда осознают, что не девелоперы, а они являются «собственниками» города, и что только осознанный и легитимизированный статус собственника обеспечивает возникновение статуса «профессионального горожанина». Старый город мог бы жить своей естественной жизнью, развиваясь без катастрофической смены типологий и масштаба, гибко адаптируя накопленные ценности и инновации, если бы был изначально принят как данность и как закон принцип межеевания по историческим парцеллам с последующей приватизацией подворий. Это был бы первый шаг «естественного генезиса городского пространства», за которым должны были бы последовать такие важные события, как развитие мелкого бизнеса, соседских связей и самоуправления.

Так как понимания своей роли на территории у жителей в большинстве своем нет, привносимые сверху проекты легко преодолевают незначительные коллизии, связанные с общественными слушаниями, сменой типов зон на

генплане и последующим переселением обитателей. Практика отселения людей из исторического центра на городскую периферию напоминает авторитарное управление социумом в эпохи, когда сначала князь Григорий Засекин в 1586 году основал крепость Самара, а потом, когда разные партийные правители закладывали в Самаре заводы и свозили трудовые ресурсы со всей страны. Жилье для переселяемых могло быть хуже или лучше, но сам факт перемещения людей в пространстве города без их собственного намерения и даже согласия, – в общем, характеризует ситуацию как авторитарную, в широком смысле не эффективную. Ситуация не эффективна, потому что «перевозимые люди» не являются горожанами, их статус – «переселенцы». Горожане – это равноправные с властью участники градостроительных преобразований. С постановки вопроса о формировании в Самаре институции «профессиональных горожан» (термин Ханы Аренд, [2]), собственно, и началось образование альтернативного проектного тренда.

Надо сказать, что еще в 80-х годах, когда никто не думал о близящемся развале СССР, при местном отделении Союза архитекторов был создан кружок энтузиастов, в который входили архитекторы Сергей Малахов, Илья Яковлев, Сергей Мишин, Альфред Хахалин, Расим Вальшин и другие. Этот кружок получил статус официального «постоянно действующего семинара по реконструкции городской среды», от имени которого уже тогда были разработаны альтернативные проекты реконструкции с целью создать проектные и оргдеятельностные механизмы, позволяющие развить процесс соучастия жителей в преобразовании исторической территории. Проекты эти публиковались [3], но никакой реальной основы для воплощения этих концепций в жизнь быть не могло, так как самая идея сделать жителей равноправными участниками преобразований упиралась в такой простой факт, как отсутствие частной собственности, в том числе и на землю. Понятно, что отсутствие собственности автоматически означало отсутствие равных прав и возможностей. Диалог с властью или «застройщиками от власти» носил бы лишь декларативный смысл.

В новых условиях, несмотря на сопротивление чиновников разрешать приватиза-

цию земли во дворах частных домов, процесс все же немного иной, чем в 80-е; надежда, что юридическая практика будет приведена в соответствие с законодательством, сохраняется. Создаются общественные организации горожан, переживающих всерьез за судьбу культурного наследия. Эти объединения организуют профессиональную юридическую поддержку, проводят консультации по процедурам общественных слушаний, – в общем и целом пытаются создать позитивный настрой в ситуации, которая чаще всего воспринимается как безысходная.

Как уже было отмечено выше, в основу «бесконфликтной реконструкции», на самом деле, закладывается конфликт, который носит характер запланированного «культурного противостояния». Культурный конфликт предполагает, что вся парадигма современных городских преобразований, заменяется на стратегию саморазвития территорий. Априорная сущность саморазвития – диалог сторон, то есть, – запланированная оппозиция проектных инициатив. В сущности, подобная стратегия рассчитана на дисперсную активность, локализованную в разных точках пространства не только старого города, но и квартала. При традиционном подходе, когда существует «один большой проект» мелкое межевание игнорируется, а соответственно – исчезает из застройки тот масштаб, который характеризует среду исторического города. Альтернативное проектирование, основанное на активизации деятельности жителей города, поддерживает масштаб исторической среды, а также стремится к сохранению и интерпретации исторического кода застройки. Главной ценностью «встречного проектирования» («бесконфликтной реконструкции») является «естественная» форма среды, включающая в себя эстетику языка, выросшего из компромисса инициатив, а поэтому сохраняющая, на взгляд профессионального критика, след анонимного языка, транслирующего в среду интригу спонтанности. Все это чрезвычайно интересно и важно для городской атмосферы, значительно оскудевшей в эпоху масштабных преобразований Самары, равно как и других больших городов. Но еще более значительным результатом предлагаемой стратегии можно считать ожидаемый рост социальной и деловой инициативности горожан. Разрешение на «встречное про-

ектирование» только на первый взгляд касается лишь качества архитектурной среды, но еще в большей степени изменения будут происходить в том, что мы называем «образом» и «смыслом жизни». Как отмечают Алексеевский М. и Беленко В. В своей статье в сборнике «Стратегический мастер-план»: «...инструмент управления будущим», «жизненный опыт и умения горожан представляют ценность на любом этапе создания пространственной стратегии, будь то оригинальная проектная идея, озвучивание потребностей в дополнительной инфраструктуре или внесение корректив в проект мастер-плана» [4, 419].

В числе экспериментальных проектов, предпринятых нашим коллективом в русле стратегии «бесконфликтной реконструкции», должны быть перечислены «Квартал Ливерпуль» (Московское Международное биеннале архитектуры – 2012 г.); «Проект бесконфликтной реконструкции квартала №79 в Самаре» (2013, Международная выставка FIAPSI, Санкт-Петербург, диплом за лучший проект); проект «Туристический кластер «Хлебная площадь» в Самаре», 2013; «Альтернативный проект регенерации исторического центра Самары» («АРХМОСКВА-2014, диплом за лучший проект, выполнен совместно с компанией “Local planners”).

Проект «Квартал «Ливерпуль» [6] был выполнен в соответствии с концепцией «Постпроект», что означает, что картина принятых решений создавалась на основе реальной ситуации, но сама реализация моделировалась в жанре «как бы состоявшейся реализации». Несколько дворов на одной из исторических улиц, соединенных по границам поперечных брандмауэров, были исследованы настолько, что у авторов проекта сложилось довольно объемное представление об обитателях, многие из которых рассказали истории своей жизни и поделились соображениями по поводу будущего. Фактические данные, полученные в результате исследования места, а так же истории, изложенные жителями дворов, были соединены авторами проекта с вымышленным развитием сценария будущего. Этот сценарий предполагал, что в результате воплощения проектов, предпринятых жителями, возник новый образ и смысл места, функциональным центром которого стала арт-

студия «Ливерпуль». Под этим именем далее развивался весь проект, в финальной стадии которого была представлена модель уже будто бы свершившегося процесса реконструкции. Проект был сконструирован как игровой, но все его принципы были смоделированы как реальные механизмы, обусловившие тактичное и полноценное по смыслам преобразование среды. Застройка частично была отремонтирована, памятники отреставрированы, новые модули компактно и плотно встроены между существующими домами. Каждый обитатель в проекте был представлен собственной историей, финалом которой явились открытые мастерские, микро-гостиницы, студии, выращенные цветы, детский клуб, кафе на красной линии, новые жилые модули «на продажу». В подобном сценарии, конечно, предполагается не только самостоятельное развитие, но и участие внешних инвесторов, но именно импульс самостоятельной инициативы следует рассматривать как шаг к «настоящему» естественному («бесконфликтному») развитию среды.

Проект реконструкции квартала №79 – реальная проектная задача [6], возникшая под влиянием предыдущего проекта. Разработке предложений по регенерации застройки предшествовало общение жителей и проектировщиков. Было принято решение максимально сохранить жителей, разработав такую программу, которая позволила бы им стать заинтересованными соинвесторами. Подсчет эффективности проекта показал эквивалентные результаты по плотности по сравнению с высотной застройкой, но при этом каждый двор сохранял свое индивидуальное пространство и образ жизни. Проект прошел несколько стадий согласования, и в итоге был принят к реализации. Но в этом «согласии на реализацию» вновь возникала зависимость от решения «сверху». Сам по себе проект все еще не в состоянии развиваться, так как не сформированы легитимные основания для развития. Жители или еще не достаточно заинтересованы, или у них физически не хватает средств, или – тормозится решение вопроса с приватизацией земли.

По мере того, как накапливался опыт разработки альтернативных проектов, все большее значение приобретала концепция «Института Города» – как механизма запуска, реализации

и мониторинга подобных проектов [6]. Все больше становилось понятно, что между «проектами сверху» и «проектами снизу» должен существовать посредник, осуществляющий институционально выработку компромисса (разрешения «культурного конфликта»), оптимизирующего программы регенерации среды на основе междисциплинарного сотрудничества и тщательного поэтапного реагирования на происходящие средовые процессы. Подобный «институт» фактически должен был заменить проектные стратегии, рассчитанные на подавление оппонента и использование бюджетных ресурсов. Такие стратегии себя изжили, методы подобного проектирования более не эффективны, территория стагнирует, если в ней не зарождается внутренняя инициатива. Но именно к возникновению внутренней инициативы как к наиболее эффективному источнику саморазвития и собирается апеллировать «Институт Города», собирая для этой цели свои профессиональные компетенции. Территория не может развиваться, если ее жители игнорируются. Территория не развивается, если нет мелкой собственности и диалога собственников, объединяющихся в соседства.

В статье «Коллективное изменение территории» Йост Бюндерман (Joost Beunderman) пишет, что «несмотря на разговоры о необходимости участия граждан в управлении, существующие правительственные структуры часто неспособны совладать со всеми сложностями, присущими такой системе («самоуправлению» – С.М.)... Необходимо кардинальное изменение профессиональных установок градостроителей и других специалистов. Учитывая это, градостроитель Луук Боеленс говорит о концепции «взаимодействия исполнителей»... «Эксперименты британской организации «00:/» продемонстрировали, что на самом деле это тройная задача». Для этого, отмечает Бюндерман, необходимо создать специальные площадки для активизации общественных дискуссий в округах, а также убедиться, что дискуссии ведутся откровенно. Такие площадки можно создавать и на уровне он-лайн сервисов (E.D.I.T. – экспериментальный проект организации «00:/»). В качестве второго условия активизации соучастия, считает Бюндерман, необходимо организовать получение финансовой помощи и материальной

базы, для чего необходимо или принимать готовые проекты, или организовывать «поддержку совместной разработки и производства и оказание профессиональных консультаций при необходимости» [5,116]. В результате работы такого блага (или «Института города» – как в нашем проекте – С.М.) «появится возможность горизонтального равноправного обмена опытом и разработками». И третье условие, рассматриваемое в статье Бюндермана, – это изменение принципов работы власти. «Если мы хотим запустить действительно самоорганизующийся процесс в различных районах городов, необходимо полностью пересмотреть муниципальное планирование землепользования, программы капиталовложений жилищно-строительных кооперативов и формирование бюджета» [5,116].

Голландская экспериментальная студия «Urhahn» собрала круглый стол под руководством Мартина Кляйна (Marten Klein), на котором обсудила «новые идеи городского планирования» [5,42], и, в частности, Кляйн определяет, что в Голландии для крупных инвесторов «время оборота внутреннего городского проекта часто не соответствует его инвестиционному периоду. В связи с этим городские проектировщики нового поколения используют совершенно новый подход: они начинают с пользователей и владельцев собственной площадью. Начинает разворачиваться работа в меньшем масштабе по коллективному созданию новых городских форм».

Проектирование снизу вверх становится способом работы, позволяющим добиваться более эффективного развития территории. «Мнение, что должен быть найден баланс между анализом и видением муниципальных властей и тем, что происходит спонтанно, является общим для всех», – отмечает Кляйн. «Мы должны показать инвесторам, что еще можно сделать, прежде чем возвести новые башни», – заявляет Ерун Лавин (Jeroen Laven) [5,44]. Питер Йостра (Peter Joustra) «призывает к коллективному мастерству» вместо того, чтобы ждать появления еще одной «новой системы»: «Необходимо создавать и осуществлять новые идеалы, двигаясь, предпочтительно, снизу вверх» [5,45].

Касаясь развития экономической деятельности на территории старого города, Йост Снеп-

вангерс (Joost Snervangers) добавляет: «Через небольшое развитие коммерческих объектов старой части города мы получим более быстрые результаты, Именно это должно лечь в основу новых подходов». При этом новые подходы явно потребуют переоценки роли профессионалов. Герт Пик (Gert Joost Peek), предпочел бы, как он отметил в процессе дискуссии, видеть «перемену ролей»: «вместо городского планировщика должна возникнуть фигура специалиста по ответственности». «Для каждого важно пересмотреть свою роль», – отметил Ерун Лавин [5,47].

Действительно, ситуация с большими заказами и в России и в Европе оказалась кризисной, многие архитектурные фирмы повсюду лишились заказов. При этом в России, как нигде еще, колоссальная масса руинированной среды остается вне всякой профессиональной переработки. «Смена ролей» могла бы означать, что архитекторы переходят на взаимодействие с множеством «мелких клиентов», резидентов исторических территорий, выполняя функции «архитектурных помощников» и «консультантов». В этом случае работы хватит на всех [7].

06.02.2015

Список литературы:

- 1 Муратов, А. Основные тенденции мастер-планирования / А. Муратов, К. Толкачева // Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим. – М.: Стрелка. – 2014. – С. 302–311.
- 2 Малахов, С.А. МЕМ и РЕКС. Квартал – эксперимент естественного моделирования / С.А. Малахов, И.Н. Яковлев // Архитектура СССР. – М.: Издательство Всесоюзной Академии Архитектуры. – 1985. – №5.
- 3 Arendt H., Baehr P. The Portable Hannah Arendt. Edited with an introduction by Peter Baehr. – NY: Penguin Books. – 2003. – 575 p.
- 4 Алексеевский, М. Что может дать мастер-план в процессе коммуникации между горожанами и властью? / М. Алексеевский, В. Беленко // Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим. – М.: Стрелка. – 2014. – С. 418–443.
- 5 Urhahn G. The Spontaneous City / G. Urhahn. – Amsterdam: Bis Publishers. – 2011. – 176 p.
- 6 Малахов, С.А. Институт города как необходимость / С.А. Малахов, Е.А. Репина // А.С.С. Проект Волга. – 2013. – №32–33.
- 7 Репина, Е.А. Киоск квартального архитектора / Е.А. Репина // А.С.С. Проект Волга. – 2015. – №36–37.

Сведения об авторах:

Малахов Сергей Алексеевич, заведующий кафедрой инновационного проектирования факультета дизайна Самарского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат архитектуры, доцент
443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, ауд. 0607,
тел.: (846) 340 02 31, e-mail: s_a_malahov@mail.ru

Репина Евгения Александровна, доцент кафедры инновационного проектирования факультета дизайна Самарского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат архитектуры
443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, ауд. 0607,
тел.: (846) 340 02 31, e-mail: jeniarepina@mail.ru